

Е Линьфэн быстро прикинул в уме: если добираться от города Хуафу до горы Цзитин, можно сделать небольшой крюк и заглянуть в орден Шэньтянь. А там уже нетрудно будет найти подходящий предлог и уговорить Мутяня-чжэньжэня отдать нужную вещь.

Приняв решение, он успокоился. Он прищурился. Он вновь посмотрел на застывших поодаль отца и Мутяня.

Отец явно не собирался так просто его отпускать. Е Линьфэн сегодня так дерзко прекословил ему и довел до белого каления, что старик не мог позволить сыну просто ускользнуть. Он не хотел оставлять его дома под предлогом наказания — тогда пропал бы шанс эффектно и со злобой разорвать все связи. Тяжело дыша, отец сжимал в руке фарфоровую чашку так сильно, что та вот-вот готова была разлететься вдребезги.

Возможно, в этой ярости еще теплились остатки отцовской любви, которые в другой ситуации могли бы тронуть сердце. Но сегодня Е Линьфэну было не до них. Он понимал: отцу нужен последний толчок.

— Мутянь-чжэньжэнь слишком вежлив, — произнес Е Линьфэн, даже не пытаясь выбраться из объятий бессмертного мастера. Вместо этого он спокойно достал из сумки Цянькунь свой меч и небрежно бросил его на пол. — Куда я захочу пойти — туда и пойду. Мне не нужно ничье разрешение. Этот меч я сломал сам, и сегодня возвращаю его семье Е.

Меч был редкой, искусной работы. На лезвии была выгравирована фамилия «Е» — символ связи Линьфэна с его родом и статусом. Теперь же, брошенный на землю обломок стал ясным и окончательным заявлением.

Отец уставился на меч, рукоять которого сиротливо торчала из ножен. Он сглотнул и издал сухой, надтреснутый звук, прежде чем трижды повторил: «Хорошо». Каждое слово падало на пол тяжелым камнем, становясь всё мрачнее и весомее.

— Буду считать, что у меня никогда не было такого сына! — отец дрожал от едва сдерживаемого бешенства; казалось, он вот-вот перевернет стоящий рядом стол. — Если у тебя хватит смелости — не возвращайся! И не смей ползать на коленях, вымаливая прощение. Когда окажешься в тупике, даже не надейся, что семья Е приютит тебя или пожалеет! Убирайся! Твори что хочешь, хоть небо переверни — семье Е до этого нет дела. Жизнь твоя, и как её прожить — решать тебе. Никто больше не станет тебя ждать и надеяться на твое возвращение!

— Отец! Отец, прошу, смените гнев на милость! Брат просто наговорил лишнего сгоряча, отец! — Линьгэ с глухим стуком рухнул на колени и вцепился в полы одежды отца. Он был на грани слез. — Брату и так сейчас тяжело, мы не можем бросить его и отречься! Отец! Молю вас, Линьгэ молит вас... Пощадите брата! Мутянь-чжэньжэнь обещал спасти его, он обязательно исправится, вот увидите! Он не хотел подставлять семью, и не станет этого делать... Отец!

— Прочь! Все вон отсюда!

Отец оттолкнул Е Линьфэна и, кипя от ярости, стремительно вышел из залы.

На мгновение повисла неловкая тишина. Е Линьгэ, оставшись один на коленях, выглядел по-настоящему жалко.

— Ты ведь знаешь, что семья боится моих проблем, — холодным, отстраненным голосом произнес Е Линьфэн, глядя на брата так, словно его всё это не касалось. — Отец не верит мне, ты и сам видел. Но даже если я не навлеку на вас беду, семья Е не увидит от меня и блага. Мой дорогой младший брат, ты ведь всё прекрасно понимаешь. Мой уход выгоден тебе больше всех. Так к чему эти слезы? Кого ты пытаешься разжалобить?

Он помолчал и добавил:

— Никто тебя не осудит.

Линьгэ действительно перестал плакать и поднял на него покрасневший взгляд.

— Брат... пойдя к отцу, поговори с ним. Извинись, покайся как следует, и всё еще можно...

— Хватит, — оборвал его Линьфэн. — Прошло больше десяти лет. Твое чувство вины должно закончиться здесь и сейчас, Линьгэ. Мне не нужен брат, который добр ко мне лишь ради искупления своих грехов.

Линьгэ застыл, глядя на него. Словно он не узнавал брата перед собой — или, наоборот, наконец-то увидел его настоящего.

Десять лет назад Линьфэн провалился в ледяную прорубь. Рядом был только младший брат. Линьфэн не утонул, но из-за того, что Линьгэ в оцепенении простоял на месте, а потом слишком долго звал на помощь, ледяная вода и холод подорвали здоровье старшего брата.

Избавиться от последствий такой травмы было почти невозможно. Лечение требовало долгих лет, огромных сил и денег. Если бы всё обошлось, Линьфэн всё равно остался бы слаб и болезнен. Путь культивации казался идеальным выходом: и тратиться не нужно, и проблема может решиться сама собой. Если достигнет успеха — проживет долго, нет — всегда можно забрать домой и продолжить лечить.

Линьфэн тогда пробыл в воде несколько часов, почти погрузившись в забытие. Он плохо помнил подробности, но в «Божественной книге» было четко сказано: кто-то напугал маленького Линьгэ.

«Ты-то его спасешь, но не боишься ли, что брат выберется и обвинит тебя? Скажет, что ты специально его толкнул, чтобы извести? Тогда в семье Е тебе места не будет, вышвырнут как собаку».

«Хочешь стать главой рода, чтобы всё в доме принадлежало тебе? Тогда помалкивай о том, что Линьфэн упал. Пусть замерзнет. Через пару дней никто и не подумает на тебя, и всё наследство достанется тебе одному».

«Ты сейчас добрый, но даже если он промолчит, разве другие не станут шептаться за твоей спиной? Пострадаешь не только ты, но и твоя матушка — ей и куска хлеба не дадут! Ну и дурак же ты, упускаешь такой шанс...»

И Линьгэ, снедаемый страхом и ужасными видениями о голодном будущем матери, не посмел вернуться домой сразу. Он долго колебался в тени, мучился и боролся с собой, теряя драгоценное время. Линьфэна спасли лишь спустя несколько часов.

Сам Е Линьфэн помнил только одно: этот не по годам серьезный и вечно хмурый брат после того случая стал относиться к нему невероятно хорошо. Душу готов был выложить, заботился больше, чем родной отец.

Глядя на повзрослевшего Линьгэ, Е Линьфэн вздохнул.

— Уходи. Только став истинным главой семьи Е, ты сможешь вычистить всю ту нечисть, что прячется по углам и в тени. Разве не так?

Бросив эту фразу, Линьфэн потянул Мутяня-чжэньжэня за рукав, давая понять, что пора уходить. Они вдвоем вышли за порог.

У самых ворот Линьгэ снова догнал их.

— Брат! — он тяжело дышал, в его глазах блестели слезы. — Я могу перестать корить себя... но простил ли ты меня?

«Прощение, прощение...»

Е Линьфэн на мгновение замедлил шаг. От этих диалогов, напоминающих дешевые уличные романы, у него по коже побежали мурашки.

— Нет, не простил, — ответил он, даже не обернувшись, и зашагал дальше. — Я еще не стал небожителем, так что не дорос до такого великодушия.

Наконец они покинули поместье семьи Е. Окончательно, без лишних слов и привязанностей.

Когда они отошли на приличное расстояние, Линьфэн начал недоумевать, почему мастер не призывает меч для полета. В этот момент Мутянь вдруг достал какой-то сверток.

— Ситуация была непростой, я чуть не забыл, — Мутянь остановился и протянул сверток Е Линьфэну. — Один мой друг просил передать это тебе. И велел сказать, чтобы ты берег себя.

Из свертка повеяло тонким ароматом трав. Линьфэн принял его, на миг застыв в замешательстве. В его взгляде промелькнуло подозрение, сменившееся изумлением.

— Тот друг... его фамилия Юэ?

Мутянь-чжэньжэнь кивнул:

— Он самый.

Линьфэн подумал, что этот бессмертный мастер на удивление прост в общении. То он знает его брата, то дружит с Юэ Чэньтанем... Его образ совершенно не вязался с тем величественным и недостижимым идеалом, о котором твердили слухи. Это даже немного сбивало с толку Линьфэна, привыкшего слепо доверять «Божественной книге».

«Спокойно, только спокойно».

Он осторожно вскрыл сверток и обнаружил внутри коробку с несколькими флаконами пилюль. Линьфэн тут же закрыл её, не собираясь ничего принимать, и вернул сверток мастеру.

— Раз уж вы сказали, что поможете мне с моими недугами, пусть это пока побудет у вас. Как скажете принимать, так и буду.

Он выглядел воплощением покорности.

Мутянь забрал лекарство и легонько погладил Линьфэна по голове.

— Спасибо, что так доверяешь мне.

Линьфэн ответил ему кроткой улыбкой. А про себя подумал: «Конечно, доверяю. И тому Мутяню, которого знают все, и тому, у которого есть свои скелеты в шкафу из книги. Ты ведь не любишь убивать людей. А раз я не умру, то и бояться мне нечего. Как тут не доверять?»

К тому же он вовсе не хотел, чтобы Мутянь действительно вылечил его. Ведь нужно было как следует «встретить» того бравого парня, что собрался захватить его тело.

Они уже собирались покинуть Хуафу, Мутянь даже обнажил меч, как вдруг Линьфэн замер на месте.

Мастер уже вскочил на лезвие и собирался помочь юноше подняться, но, заметив перемену в его лице, тревожно спросил:

— Господин Е, что случилось?

Линьфэн не ответил. Он развернулся и зашагал в противоположную сторону — твердо, словно по начерченной линии.

Перед ними тянулась длинная и широкая улица, которой не было видно конца. Прохожих почти не осталось, лавки по обеим сторонам давно закрылись, и лишь несколько тусклых фонарей разгоняли мрак.

Мутянь почувствовал неладное и бросился следом. Даже не спрыгивая с меча, парящего низко над землей, он выбросил вперед магический талисман. Тот вспыхнул золотистым светом и развернулся барьером прямо перед Линьфэном.

Путь был прегражден. Линьфэн наконец остановился. Прямо перед ним, у последнего перекрестка, из тени соткался черный силуэт. В ночи виднелся лишь смутный контур человека, который приветливо помахал Линьфэну рукой.

Жест был непринужденным и безобидным, словно старый друг приветствовал приятеля после долгой разлуки.

Но в следующую секунду на них обрушилось чудовищное давление. Мощная аура заставила обоих содрогнуться. Удушливая, густая демоническая энергия, подобно невидимой воде, заполнила всё пространство. Мутянь на мгновение оцепенел, а по золотистому барьеру перед Линьфэном побежали тонкие трещины.

— Е Линьфэн! Очнись!

Мутянь снова нанес удар. На этот раз целью был не далекий силуэт и не барьер. Мастер направил мощное Заклинание Очищения сердца прямо в спину Е Линьфэну, пытаясь пробудить его разум от чужого контроля.

Юноша, до этого двигавшийся словно в трансе, вздрогнул от удара. Он прижал ладонь к мерцающему золотом барьеру и медленно осел, едва удерживаясь на ногах.

Мутянь-чжэньжэнь держался крепче: окружив себя защитным полем, он застыл на парящем мече. Его взгляд был прикован к приближающейся фигуре.

Незнакомец шел неспешно. С каждым его шагом улица погружалась в еще более мертвую тишину, а давление становилось невыносимым. Спустя всего десять шагов Линьфэн уже не мог стоять и опустился на одно колено, низко склонив голову.

Наконец свет фонарей выхватил лицо пришельца.

Длинные темно-рыжие волосы, словно пропитанные старой кровью, небрежно рассыпались по плечам. На нем был свободный, непринужденно наброшенный халат, а в руке он сжимал длинный изогнутый нож, похожий на молодой месяц.

В двадцати шагах от них человек остановился.

<http://bllate.org/book/17497/1714542>